

Лишь когда шаги снаружи стихли, Чжаочжао позволил себе расслабиться. Сердце, готовое выскочить из груди, начало понемногу успокаиваться. Сначала он разозлился на свой несносный характер, но, остыв, почувствовал облегчение.

Хорошо, что он прервал это свидание. Если бы дикарь сегодня познал его тело, обман с подменой раскрылся бы в ту же ночь. Пусть в прошлой жизни Сюйлегеэр со временем и смирился с тем, кто перед ним на самом деле, но тогда между ними прошел почти год. Сейчас же Чжаочжао не был уверен, что вождь простит подобное предательство.

Раньше Линь Чжаочжао было всё равно. Он не ценил свою жизнь и не боялся гнева вождя. Но теперь всё было иначе. Небеса дали ему второй шанс, и он намерен прожить эту жизнь по-человечески.

Сюйлегеэр вылетел из юрты и направился напрямик к реке Ноэр. Сбросив одежды, он окунулся в ледяную воду, и лишь когда внутренний жар утих, поднялся на берег.

С берега донесся издевательский смех:

— Какое позорище! Сильнейший воин степей не смог совладать с женщиной и стоит тут, охлаждает пыл.

Сюйлегеэр поднял голову. На берегу, поигрывая плетью, стоял юноша, в чертах которого угадывалось сходство с самим вождем. Это был Шалалигэ, его младший брат — единственный во всем племени Сюэди, кто смел говорить с ним столь дерзко.

Вождь вышел на берег, стряхивая капли воды, и проигнорировал выпад брата. Но тот не унимался:

— Мы ведь братья... может, мне стоит зайти к ней и поучить её покорности?

Хотя они были братьями по отцу, Шалалигэ вечно искал повода для ссоры. Род вождей Сюэди почти угас под гнетом империи Ся: родители Сюйлегеэра погибли пятнадцать лет назад. Мать Шалалигэ выжила, но вскоре скончалась от ран и тоски. Юноша жаждал мести, но Сюйлегеэр, понимая, что племя слишком слабо, силой удерживал его от опрометчивых набегов. С тех пор между ними пролегла тень.

К тому же мать Шалалигэ была наложницей, и в племени многие шептались о «чистоте» его крови. Это злило юношу, и он старался задеть брата при каждом удобном случае. Сюйлегеэр долго прощал его, но сегодня Шалалигэ переступил черту.

— Попробуй только... — глаза вождя опасно сузились.

Шалалигэ, не почуяв опасности, продолжал:

— А что такого? Всё равно твоя жена рано или поздно станет моей по нашему обычаю. К чему

тянуть?

Договорить он не успел. Могучая рука Сюйлегееэра взметнулась вверх, хватая брата за шиворот и поднимая над землей, точно щенка.

— Ты что творишь?! — Шалалигэ задрыгал ногами, но его удары были бессильны против каменной мощи брата.

— Если еще раз посмеешь оскорбить её — я забуду о нашем родстве, — прорычал Сюйлегееэр, глядя ему прямо в глаза.

— Ты с ума сошел! Поднимаешь руку на брата из-за бабы!

— Помой свой рот, — Сюйлегееэр размахнулся и швырнул юношу в ледяную воду реки.

Возвращаясь к лагерю, вождь увидел дым костров и почувствовал запах жареного мяса.

— Вождь, мы готовимся к завтрашнему пиру! — женщина из племени склонилась перед ним.

Сюйлегееэр вспомнил, что Чжаочжао весь день ничего не ел. Он взял нож и умело отрезал самый нежный кусок мяса с шеи ягненка, положив его на золотое блюдо. У юрты он наткнулся на Сухэ, который нес ночной дозор.

— Отнеси внутрь, — велел вождь на языке Ся.

Сухэ, дрожа от страха перед этим великаном, принял блюдо. Он-то думал, что если обман раскроется, он грудью встанет на защиту хозяина, но сейчас у него едва хватило смелости кивнуть.

Внутри Линь Чжаочжао как раз смывал белила с лица.

— Господин, это вождь велел передать, — Сухэ всё еще заикался от волнения.

Чжаочжао взглянул на мясо. В степи это считалось лучшим угощением, но он с детства не выносил запаха баранины — от одного вида крови ему становилось дурно. Однако, вспомнив, что Сюйлегееэр, даже будучи изгнанным, позаботился о нем, он через силу съел несколько кусочков, остальное отдав слуге.

— А... где сам вождь?

— Не знаю, может, снаружи.

Линь Чжаочжао вытер губы и осторожно приоткрыл тяжелый полог юрты. У костра он увидел одинокий силуэт мужчины. На сердце стало непривычно тепло.

Наутро Чжаочжао проснулся бодрым и свежим, чего не скажешь о Сухэ, который всю ночь просидел как на иголках. В юрту вошла женщина из Сюэди, неся круглое бронзовое зеркало.

— Благородная госпожа. Меня зовут Агусу, я — ваша служанка, — она улыбнулась. У неё были здоровый румянец и крепкое телосложение. — Сегодня племя устраивает великий пир в вашу честь. Позвольте мне причесать вас.

Чжаочжао кивнул. Он знал Агусу — в прошлой жизни она тоже служила ему. Когда-то она была служанкой матери Сюйлегеэра и знала вождя с пеленок. Тогда Чжаочжао прогнал её, но сейчас он знал: эта женщина предана вождю и племени до мозга костей.

— Наш Сюйлегеэр — истинный орел, в его жилах течет «золотая кровь» великих ханов, — щебетала Агусу, расчесывая его волосы. — Не смотрите, что он в свои двадцать пять суров и не знает пощады в бою. У него доброе сердце. Вы будете самой счастливой женщиной в степи!

Линь Чжаочжао слушал её, и уши его медленно розовели.

Снаружи уже гремели кличи: племя приветствовало своего вождя. Сюйлегеэр вскинул лук с привязанной алой лентой и совершил подношение небу, окропив шею коня вином.

Когда Линь Чжаочжао вышел из юрты в красном степном халате и золотой шапке, расшитой узорами, воины Сюэди замерли.

— Так вот какие они, женщины империи Ся? Кожа белее снега!

— Красавица! — шептались в толпе.

Лишь Шалалигэ сидел в стороне, мрачно осушая чашу за чашей. Его взгляд, прикованный к яркой фигуре в красном, был полон злобы.

Линь Чжаочжао шел рядом с Сюйлегеэром по белому ковру к главной ставке. Золотые подвески на его шапке мелодично звенели при каждом шаге. Вождь украдкой поглядывал на «жену», и сердце его таяло. Он решил, что будет беречь это хрупкое создание, чего бы ему это ни стоило.

Великий шаман у костра воздел руки к небу:

— Поклонимся Небу-Отцу! Поклонимся Земле-Матери!

Они одновременно опустили на одно колено и склонили головы перед вечной степью.

<http://bllate.org/book/13696/1441290>